

1.
Тесная. Родная. Мать наша. Пошлю тебе
у нас Ивану, пошлю тебе твою на колени —
и, как маленький ребенок, расскажешь тебе мои
мысли. — Прости, моя голубка, что это все будет о
мелком. — Но я не нахожу исхода своим мыслям: у
меня нет твоего, с кем бы я могла поделиться о них.
Все годы, все годы — я всегда только среди чужих
стен моей уютной комнаты, всегда у уютной квар-
тирной хозяйки, которая совершенно беспроблемно это
думает, чувствует, дает так же как все уютные,
одну из ее комнат стимуляции, и т.д. —
И мысли мои горят! Мое чувство, что купит
моя! — Не нахожу я выхода из того положения,
в котором я нахожусь. — Десять лет назад, когда
я покинула Родину —, казалось мне —, Земля ро-
дила под моими ногами: так верила я, что все
поэтические тиски тут же мгновенно сменяв-
лись декретом, я купила землю, миссия
своей Матери-Земли, что мое сердце даст и
сердце радостно своим творчеством. Сердце мое, каза-
лось, не умирало в своем физически-замкнутом
пространстве: так полно оно было открытым для
всего, со знанием верности пришедшего часа
Истории! — Не от холода и холода физические по-
кинула я слово Родину-Мать: я и так и там же
всегда и не уходила, благодаря любви окружающих
меня молодых душ, в лице молодежи, посвятившей себя
ради дорогих ей художественных впечатлений от меня

Тем же Ко мне вникаете, поистине улавливая и давая
заботы и стоящие у власти, всемогущая же открытость опре-
деленности моего внутреннею отнесением к тебе. Я
узнала себя от боли сердца за друзей, постепенно теряю-
щихся в неизвестности, или до последней крайности обеспо-
коенной и унавившей душой, которая я уже видела ее мода
помощь, потому что уже и в Искусство протекла нашим
грамота и безнадежное требование кивсению Искусство
их ступень пометившем амтауши. Но устная я зна-
ла, твердо знала, что все сила в мощи духа, а дух мой
неустатно говорил одно: Сражи и раешь все влече и тебе
моя Творческое Начало, всемогущая же на это! — Двер
метя бессветно горю изредетие Гитлера: „Твердо:
Красота — да же со силами, пока дождешь до казненности“
И только твердо поставив своей задачей раешить и сражишь
чужбину свой талант для новой предвущей действительности, я
могла работать здесь в диаметрально-противоположные
условиях и требованиях. — Я здесь Юлет. Девять!
И с китайскими ногами все наестоничней придит окружающая по-
лость, что моя Вера, моя цель не забуду существующим людям.
Ме, кто возмаведом нам театр в мире коллектива Голько
раешит артистов (мы, остальные, у них на сцене) — придит в
лицо возведит нам, что мы за это время все „осторожнели“!
Какая страшная сила! — Это в нас тем же дух коро уже
интереса, так как выдешит к нам, в смысле чувствительной
уже не может быть, ибо смилкам мы применялись! Это
даже тыаютов у нас, все то что вкешкено обидит дух здесь
ней публики! ... И это мы слышим при все сел-

такая нашей горелкой-словеской Эдесса. —
 Насколько же репертуар у нас тем, кто управляет театром
 наводят только такие вещи кудрявыми для современности,
 кот. потворствовали бы лишь из-за ментному в человеке. — И
 в этом направлении испробовано уже все. — Но спешить,
 получив податку своему тиснению „Я“, требует еще и еще
 большего в этом смысле — и потому, все равно, все меньше
 и меньше публики идет в наш театр, который иначе как
 потребителеской лавочкой нельзя назвать. Удовлетворить все
 интерес публики в смысле карьеры — мы категорически не
 в состоянии, ибо получаем мы мизинцы. По моему приме-
 ру можно судить о нашей материальной состоянии: Я,
 занимаая первейшее положение из занимаемых, имею 200
 лат в месяц. Все считать на доллары, то по тепереш-
 нему курсу (3 л. до с. доллар) около 59 долларов в месяц. —
 При этом такую оплату мы имели с 1го октября по 1^ю
 марта, т. е. 5 месяцев. /за одиноким душ сцену так же в этом
 же театре). — Остальные 7 месяцев действительно, как
 птицы небесные! Куда-то толкнемся: то в Детство на
 несколько спектаклей, то по латвийской провинции вплоть
 до деревень, где ислезенный о нашей работе не так желан-
 ны, как если бы это был цирк. А во многих деревнях
 так нас, как цирковых, и обидели.

До протеста и этого сезона я как-то все же избегала га-
 кой удачи: в 32- и 33-м ^{годах} летала в Рижском
 на иезуитск, где впереди меня все свои сердца —
 и злобадавшему по Жюльену и Жюльеновскому слову!
 Но уже в прошлом марте 34-го года — я выступила в кафе.

Наши Любимый, Благодарственный-Незабвенный Отец
и Друг - Ф. Д. - за несколько дней до своего
Ухода - прислал мне свои деньги, чтобы ябланный лист
от Юрия выступил!! - Это любовь сильнее больше об Юрии
Золотом Сердце! - Помогите всю Грительнице нашей Вла-
дыке в Моем Мире! - Но, я скажу, от всей
совести - в накуренной, умирившей инейшнктами на-
шим; каде я чувствовала свою миссию Юриевой Табачки
Юриевой и критикой - так всей душой быти воспринимая
мне мои "тени" лучших образов Кассандры миссификации.
- Это выступление, которое было гиперкуей темпа критик
но, как народная и умирившая миссия демонстрация -
даже мне еще больше верить в то, что Каждое
человеческое сердце может, чтобы будущее в нем лучше
в противоположе будущему. Но когда наши гиперкуей счи-
тают от меня настали лучшие вещи - всегда у нас один
протестный, ответ: "ну, какому это будущее?" а также и с
добавлением: "если мы будем это играть, так вы все сразу
обридем / т.е. до тонкости вернем). Это любовь на это импе-
тиль! Кривая душой опускаться в Юрия Злободеткам Гейте,
- не верующим это ак творить! - Да, который совершеннейше
Свине поставил быти Гитлером во всем мире
пристине Свободный Русский Театр!
Нет у нас ответственности своей исторического значения,
так как нет сознания своей миссии на Земле ^{хотим бы} это будущее
время! Ведь именно наше театр находится на передовые позиции
в этой борьбе Свине с Гитлером.
В прошлые марте 34-го года я получила из Сов. России предложе-

ние от друзей по Александринскому театру (где произошла вся моя гер-
 тельность) — подумать о возвращении в Киев, которое они считают
 своевременным, т.к. теперешний директор Александринского театра
 вкрасную желаете начать со мной по этому вопросу переписку.
 И вот надумалась моя еще большая мука: может я русским театром,
 горю мне моя Земля Родимая — верую я в них — и не
 пришло я безразличности ее управления. Никогда еще,
 как артистки — не может слышится боли сердца и тех, кто
 там страдает! Нельзя и переис и мой дух в театре рабском
 молчалив и пассивности! Я все от действую, от восторга востанов-
 лив со все моей Родины! — Как мне может рождается восторг, когда
 дух должен быть погашен! — И оставил негодованиям Клевету
 та La Fontaine страдающая, которые живут все так, а страдания, гадать
 буду слышать и я. Лучшее благополучие при общении словесами страдаю-
 щим — для меня мука неслыханная! Не пришло мне
 сердце Итого! — И памяту я слова Н. К. Ф. на мое ука-
 зание несоответствия моего порывов в Искусстве с осуществле-
 нием их в режиссерской драме! Как отчаянно востановил они в мо-
 ем сердце: „Вы не понимаете всей ответственности задачи, воз-
 ложенной на вас именно в этом месяце, на практике Итого стра-
 ни. — Когда будет вышло — мы все уберем отсюда!“ Моего Итого
 слова дают мне силу пережить такую боль, которую я чувствую здесь.
 Для меня они провозгласили, как Илья Савичев — и так я ил и преклоняю.
 — И еще, еще! — Где бы я могла укажу Гречку?! Тутать бо!
 Мудрость! Пусть вселившиеся шарамы, но идти вперед! и вперёд!
 — Это единственная Родина моя Итого здесь! Пусть слышится
 Гречку — это равностойно потери своего духовного я! Конечно она
 будет и жить в сердце — но я хочу идти все дальше и дальше: Знаю — Гречку —
 но мне прямо написано было: „Ваше духовное обличье нам

будет, но без репертуарных показаний — ваших ктюр. — Как еще можно меня считать! А все же, то оттуда пишу, как утвари ваше между собой.

Меня сейчас уже кончается — пишу уже без наговора. Пишу приглашение в Сербию, Белград к Бенедиктине. Пишу, то к этому изданию можно просить 2 месяца. Конечно отвести уверенность. — Что дальше — не знаю. А вообще представляю себе : написать Курно-Зелдана, чтобы мамочка приехала в Америку, — устроили бы спектакль, чтобы мама посмотрела себя. — Не мамочка театра я верну в свой материал! Есть же я совсем забвён. А просто боюсь, Жуковская стража, выводит на сцену, так медведь убежим, то я каюла и то я стара! — А тут еще в Москве направленные сыграна роль не совсем удачи наемщиков опера — османился руды у ушей и под наваляла. Это же так же не совсем уму в себя : я старинно показывается на сцене, водить посылать, — не же каюла, то все светомет как по моту! — И так же уверение мое дух предельно, то это же так же как осяза все же так же, то так же совершенно не удивляет этот же так же — и как бы говорим об этом, спрашивать же — не мамочка. И тогда я на эту операцию, потому что метя замурован в театре и как же это же слово о маме, то же все каюла — все устареет! — И вот — такой прекрасный результат!

— А душа у меня совсем молодая! И делится я до сих пор могу спросить играть: Не вопрос — сколько же мне — сколько анкета: 12!

— На днях я была совсем поперевика : — я поперевика сием депривути ступил себя страх стого, страх жеетовоем и сердце, — страх жеетовоем. — И с так махала в Обусеиве, то все же раеморивет! — Делюви, делюви Курно-Зелдана. Мамочка ежу с мамочкой. Не все правды жеетовоем, как жеетовоем, на руды жеетовоем у др. Д. — И тогда, тогда с мамочкой Курно-Зелдана. — Вот и с еще жеетовоем обужа сию. —

Меня Обществу поставило Имя в свое наименование. Ирава. —
 Орацию илюми парсичи ил гонерид. — Оне вобарит, что я заездила это сво-
 ей работой в театральном центре Общества. — Но ведь это так Сакражи
 в кеи и так Сакражи Истории — еженедельный журнал Парсичи! — И это
 же восстановление? — Это я илюми свеще мери — в этом Парсичи! —
 — И мирно, безотказно, Имя дарю! — Я с 15 лет заботаю кибито
 свой хлеб. — Но где, где вылаз? — Лаилуи — это выдох души,
 выдох души своего народа, где и свои — то я перепроиславывала ве-
 реских сил — и кувшины и рабаи — те мои кайти себе ар-
 менские; при чем вне еще и мы, которые оканчиваются уже
 теми большими миссиями, что представляются нам здесь Имя. — Но
 вот как, как? — И при существующей теперь вообще свободе слов
 ко националисткой — сапотило наша! — А большим сажаке, как
 Америка и помидуром больше манев, — но есть и Вологодские
 и где Имя, и где рабаи. Рабаи! Рабаи! Вот о чем вы-
 ший дух мой! Рабаи творческой, и в творчестве своя
 свобода! А Имя, и рабаи, и в Парсичи кемали
 но никакое творчество.

Мать моя! Я много раз хотела писать тебе — и все же ка-
 кожна в своем сердце слышит не абсолютное тебе. А теперь
 — тебе пишу — пишу. И советую тебе, что я капризно
 тебе еще и собою! И страшно тебе! У меня ощущение,
 что я потеряла ритм сердца, которое — ежено — дает ос-
 щение всей Имя. А Имя я люблю! Мушкетер!
 Кому делать это — то большее действие! —
 Рабаи наша! Прекрасная! Это концы — в полиция!
 Но это — вышедшие, абстрактные слова, — терзающие
 метис Имя! Какое Имя, мушкетер эта моя опрашивание!

чем — все равно, если же в каренных, бесцеремонных и беспорядочных
обработках вещей, поступающих все же к тебе — от которых я так
люблю гетской лауре! — Нет у меня Матери — и ее по-
терпела чужака ^{или Институт в России!} и это слишком великая вина. Я все
обратное возвращение твое, кидая здесь не совершив. Да и не мо-
гу я казнить в политический демократизм с кровавыми страданиями, обо-
бщившись восторг бесцеремония. И не умею я играть вихрях метастабиль-
ных, а метафизических явля. А и то и другое меня fascinatum делают. Мне
пишут отсюда: „Вот ты в политическую науку смотришь необходимо,
но это делается само собой, все сами увидите, что и все это забы-
тым.“ — А я могу писать только такие коллективные письма,
которые только к Шейн, к Мадва Всеменской, все разглагольствую на
вразумительные группы! Могу забываться в восторге перед творческими
созданиями Лехуевича! Но Шейн к некаким-нибудь разглагольствую
Эдвардом Духа и Мела Всеменской — это разглагольствую что-то фран-
цузской отраве, не говоря уже о протесте Духа моего!

И все же месяц: — Вероятно твое, имеет французские удобства —
кажется можно увидеть артистически — но змеявить восторженно
даже не зная Шейн — но это я же в состоянии понама.

И тут же передвигает эту мысль — Другая: осматривая себя,
тоже французски расширится свое состояние, не имея еще пра-
вильный, вместе того, тогда давай мне, в России, Шейн мо-
жет рассмотреть положение мое, что будет лучше тебе и тебе и
стать, тебе моему, идуя не перед мое творчество! — И вместе
только лучше, потому что говорю о тебе невозможности: моя
привычка владеть маинским, но не Шейн Духа! —

На расстройстве твоем я давай не решаюсь просить: а только
около полутора года как переживаю под давлением СССР

на лагунейское и на расстреле Гаяко мексика, Котелко, те
 нустит. Я пытаюсь сделать кампания на это в мои мысли
 муда, мне очевидно, что, на-время - те имеет смысла, те стон?
 Надо обратиться к Управлению Инженерно-техническому в Сов. России
 и поинтересоваться архивом! Как это и интересно?! - Советско!
 Вроде можно бы быть: - прилагательное отсюда; те без всякой необходи-
 мости возвращению сюда, с разрешения охотничьих с Лагуней,
 т.к. надо вернуться в пределы родины! Да и это Советско!
 приехали-ли бы мексиканцы обратно: это это, в самом деле, да
 "переездная свая", как называется мексиканцы в германе да мот
 перевозчиком! - А оидит, оидит - это оидит promise
 бедолажки упрямому Гая - и Инженер укоря себе да то, что
 мерно сучи мерный срок. - Но лучше роды, лучше сучи убо-
 гот, убогот! - Действительно - гуд и кучейте здесь померити зря!
 "Мерные - одно из высших искусств!" - Помню мне, Ала-
 гика! - Мать моя! Я хочу работать! Работа болшею, от-
 вественной! А старая внутри себя от неиспользованных сил!
 А сердце и мозг мой расшатан от отсуствия прише-
 ния мор, что купит внутри мекс. - Бумага и бумага перепись,
 Гайковичева, математикон, то грамматическое искусство -
 коллективные мероприятия! - Мрако, и хорошо мило, но на
 русскую языке! - Хотелось бы знать, можно ли сделать мексиканский
 по составу это супраинтерпретив камей гурерки: "а как
 это будет?"

Вот и все через Мадон. - У меня kein болше слов. - Туда-
 слова и те остави мекс. -

А еще помеша и еще -

судно - "Погрив", дождя кама! Москва и др. с еноконто екара
в Таврапуто в Обусеицо, котлабисеице Грумееи Дотолова, жа
еро катклатом ека пркочагание уретики? Я знаю, что катклате не
"Теее Трапицеицо" - те мо, Коморас в Селукои Керапилеи
милеи. Это Селукое Намметователе. Но мовети Судно
~~И. И. И.~~ протениеи среди Ситк, мовети музугул етогеи,
— Это Стадиуи - протениеи среди Корочук, тееикул, годфак
и Кептеи - музугул етогеи? Тити мовети маи мовети Судно др
геееко уеипоуеицеи и мовети в Сербии преекаити туде, в Кугебугу,
это те ерпеикуто Судно в ворах и геееке еваити моет, это
Сапатомаса те в Теегпаде "на 2 месеци Судно в вораде," но феед
ны преекаитиуеицеи екара. Но в Куду - Кептеи и еетитицеи
гудовтеи аи моетрети! —

Простити екара! Теееколови екара, Теееки кама Погрив! —

С гееекои кееекоотеицеи

Мееекуеицеи

Мапуи Андрееки

7/III 1935.

Аудежу иела г. дз. 2. Рига. Латвија.

Радость наша. Тесная. Родная. Мобильная до слов
нежности, наша земля Ивановка.

Теря только не забывайся и за этот пошлый год: суждено
его со мной поглотить Ваше письмо!

Дней меня око - это что то такое неизменно прекрас-
ное! Модно некие сердца!

Какими словами скажу свою благодарность?! Какими?

• Око всегда живет во мне! Сидит Ваше сердце
всегда со мной!

И минуты радости и мое сердце только сокрушит с Вами
в восторженно-благодарной несте Всеволоду - и На-
мечу Владике! —

И минуты растерянности, или колебания, или скорби,
все же налетают на меня — и хоть горюху до него
и силы духа опять и опять становится глупости и
ко блану и разумные решения! —

И часто-часто я словами Вашего письма ободрю скор-
ных, подавленных удручающе-унижающей силой духа
• и посредею подлинно всеобщую окружающую! И опять зву-
чит, поет, сидит Радость Сердца.

Нескоро склоняюсь перед Вами, меняю Вам такие чув-
ства Сердца: „Благодарю. Благодарю Вас Всеволод!“

— Не знаете, Ваше письмо я получила уже одетая к отъезду,
уже переступившая порог своей каморки, тогда уезжаю
на вокзал — в Ярославль! Я от неопределенно-примеден
в эту минуту минуту, но все время там, в глубине знания
сердца, жаждущей радости, первые мгновения не могла про-
цель от кого письмо, но все во мне было, что от Вас!

— Когда читала — проща, — только все окружающее меня
пространство наполнилось, зазвучало Радостью!

— И как чудесно я алкаю! Можно все вокруг пошло
мне. Несмотря на постоянные препятствия.

И в самой Югославии, т.е. в Белграде вернее, мои выступления бы-
ли просто триумфальными!

Вы знаете, что Эмислова я воюю не из милосердия, а из чувства
огромной радости! Я подумывала, что мое творчество за-
звучало в душах зрителей ответной песней луны в них!

— И, правда, меня здесь почитали. — И как человека только. К
Этому недавно убедительно были мне даны доказательства.

— Как артистка я удостоилась чести быть приглашенной
в Королевский Сербский театр для гастролей в труппе с сербски-
ми артистами в моей лучшей роли Маргариты Гоме
(Дача с камелиями) (играю по русски, а они на своем языке)

— Свои успехи считаю победой Русского искусства, творчески
существенного именно русскою душой! —

Посетившие этот спектакль кричали мне великие слова, которые
я смело отнесла именно к Русскому, а не только южному
искусству, ибо такими словами моя душа может только
молиться!

Мне теперь страшно даже повторить их, — уже кажется, что
быть может случится обморок меня. — Но Эмислова Звукоче-
ми окрестили меня и сербские артисты, и правдивые со мной,
и так же и свободные от спешающих пришедшие посмотреть
меня —, и слова "великая", "великая", я слышала ясно и
пылаю от этой симфонии большой, неслыханно-прекрасной оценок.
Даже Женщины-артистки целовали мне руку, т.е., конечно, не
мне, а тому, что шло к ним от моего сердца. — А шло
к ним все, что только есть в нас прекрасного — и любовь, и
ласка, и восторг, и добродетельность, и полное отдание себя
в эти минуты творчества, и безграничное доверие к их сердцам
и страстная уверенность доказать им, что я никак себя не жалю
внимая им, не взирая на хлопоты дающие, кот. они дают
мне своим восторгом! — Чужестранцы! — За все, за все благода-
рю, благодарю **Ваше** **Всемогущее** и **Ваше** **Сердце!** —

— И дальше все было шумнейшею. Прекрасно. И полно-
была здесь. Радостно. Но действительно восторженно-доверливо.
И дерзаватоше.

А потом —, потом получила, что от меня будут быть: Ярко
возможность работать на мои искусства деньги — и

мое имя, но не только из личной выгоды.

Из этого переживания я вышла совсем только благодаря
Григорю! Я благодарю, благодарю всем существом за то, что
нет во мне ни озлобления, ни сожаления, ни страдания за
прошедшее! Все это уже в прошлом.

Из всех чувств — сильнейшая мука была от того, что и мозг и
сердце болезненно не потуманили как это можно заметить прекра-
сное обратив в удивительное! — И, шавное, — шавное! Какая это гадка-
на была мука из самого творца лотка! Все время не было самим
собой! — Но истинно непрекращающееся — грядущее непонятное несомненно
с твоими внутренними мирами — рою. Ураетю. —

И сразу же отошла. Уехала в другой город. Всеми возможностями
постаралась прервать всякую связь с этим существом. И это
мне удалось. —

Но мне предстояло еще испытание: мне нужно было работать
в искусстве — и, знаешь, творчески с ним. И вот это было совер-
шенно — компромиссное и даже в некотором смысле наглыми и артистиче-
скими и митками. До сути. — Все, что я по дружбе, и доверию,
и отнюдь вдохновенно сердце рассказывала как самое лучшее во мне
тебе — этот человек с убогающей, какой-то незаметной привычкой
постарался заставить меня страдать в той форме, какой и не
было, но по моему доверию, была мной сказана ему, как самая тайна.

Работала я до истощения и отчаяния и непрерывающе отбавляя
себя, всеми окруженно а это совсем не спешит побужденно, — уже дол-
го от отсутствия души и притом себя! Все побужденно всегда к тебе акценту — ^{продолжением}
с ним — мука.

Но когда я эта мука не позволила мне, он стал уже изощренно гуще
дублировать через всеми сотрудниками театра, поручая и выходя
из моего и режиссерскими и митками категорично и поистинно уже
затемки. Истинно он совершенно дезорганизовал свою все работу.

— Я терпела до последней крайности. Но когда он стал просить
Кристьян, т. е. не произносил братских слов, — но злобой своей крича
все же братские слова, Искал этим возбуждая и меня на такой же
ответ, — Я молча ушла! — Пусть на время, пусть на совершенную
невзвешенность галькейской души в ту же страсть, среди твоих
шагов, без абсолютного знания и сил.

И сразу стало чудно на сердце! Истинно чуждо-фигурально ощу-
щение какой-то точно отравы во всем существом. — стало легко
и светло! —

Через несколько дней он пришел ко мне и сделал буквально следующее

еще: — «Вы всели козу благодарств, это, конечно, выгодно для вас, п. 2.
симпатии все на вашей стороне. Но мне это непереносно. Замыслив
вы братились, — было бы проще. — Я вам прямо заявляю, я буду делать
все, чтобы удить вас как артистку, как человека и как интелли-
генту. Я везу буду говорить о вас прекрасные слова — и вдруг поэффу
так свои фразы, волю в тебе такую мысль, что все сказанное приобре-
тет смысл и силу жгущий вас». — Я сказала на это, что я
ему хочу только прекрасная, и буду молчать об этом. И так же

— Искать началась для меня словенная. Не только в
смысле материальной, но и по видимой бесцельности пре-
бывания здесь, ибо осматривая я здесь на год, не просил на этот срок
отпуск у дирекции Русского театра. Осматривая по просьбе и
настрою и в вере в сотрудничество именно этого человека. — Так
он мне предлагал. Так решено было между нами.

О сотрудничестве же можно уже быть и речи. Я просто безжалостно
из этой атмосферы; о! Как излучений! — Как горько называюсь
настоящим словом то чувство, кот. и есть пришло. Величу.

Это —, назовем так — неумение разговаривать прекрасно. —
Пусть это у меня не такое великое, как его здесь определили,
но все же это горит! И дадим его отныне — о, как это изумно.
И страшно.

Конечно, я сама во всем виновата. 1) Знаю и мучаюсь тут —
Косим и никто друг не м. б. ответственности за мой ошибочный вы-
бор. — 2) Как всегда умею знать сердце как защитить сразу же
отки свое творчество и свое сердце, а главное — самое обветшав-
шее меня 3) — я старая уже, чтобы позволить себе такое без-
контрольное чувство. — А эти смыслы я и годички была в жизни
следствия всех этих придух. Да мне отныне уже и не придет.

И вообще я не стою, не знаю что со мной делается. — Ноги,
все у меня так — катается, не благополучно, а все мое сердце
звучит разостью! Поет! Поет! И я ожив в своей комнате
всем гудит веди, светом от даем, кот. предисполнен замесом
влет, замывает мое сердце! Светом разостью! Блаженно! И
все во мне поет словами Гетинг: „Итица счастья хо-
чет петь на моем окне!“

И все в моей жизни идет кевелинганским шаром помощи: Коф, Коф на Австри нет ни одного динара, борус принаешие на концерт! И и не спрашиваю геше о вознаграждении — а после концерта все это-то имено! — Совсем к концу прикладят эти деньги — еще и принаешие. — Я, смеясь, называю мои динара ретиновскими! — Гаетмиватомат себе за предвещанной возможности!

Недавно я савторана — групп. Уведом меня в Патрето. В русский госпиталь! — Ах, вот чудное учреждение! — Это по настоянию русский уполном. Все — враги, сестры, сатираги, все судейский персонал — все-то высшие: доходов — кикрик подти; н.г. мейайт там все больше немцы русские, помощь со стороны Югославск. Красивейшие все все меньше и меньше, — но теснолько месяцев Садржаваяефа Яналоване — и все работают с сердцами, палками любви, всеми отмен знакия, всей жадной помощи все. Я и мтаи пробыва там 2 месяца, безмашно, т.к. ни денег, ни места, куда бы могла приключити Юлову, не знала. Это было после того, как я увидела, что мое сосуществование в Белграде не дождито быть с теми человеком.

И как ко мне в Патрето отнесили! Когда я уезжала обратно осенью в Белград, на работу, от Коф. потом пришлось бежать, забедующий госпитальем д-р Владимир Алексеев, Левичкий скажал мне: „мы отпустили вас в Белград, — но помните, что вы там, пока у вас есть работа, а настоящий ваш дом — здесь, у нас“ — и мы оба раслакались.

— Теперь, когда меня приветили туда больше, — я уже по настоянию стала открывать двери. — Три недели боленни прошли благодарно во всех смыслах — и вернулае Юровой. И душевнее уже охотдаелько.

— А за это время кружок дам мужам общества, обратовал каммет — подготовили (ну, разве это не чудо!) мой концерт! — Вот то доказательство сердечного отношения ко мне, о кот. я скажала в начале письма! —

Концерт прошел ослепительно! Я плашма — Парсити наша все на ватонка! Плашма до крика восторга! Благодарю, благодарю за все! и скаете, — я все время чувствую, в душе, в мову, всеми существом — предостни мне всего протвниого — так, как бы благополучие — и не хорус! Пусть все эти предостства, пусть страдания, все муки —! Этот зов Парсити ни с чем несравним!

Теперь я богата! — Концерт дал мне 4000 динар! Когда мне

Скрасим эту сумму, я подумывала себя миллионером! Работала, но
смету тратить не больше 500 руб. в месяц. Знаешь голубчик хватать на
8 мес. - Ко... 1000 руб. кет (с 4го марта); п.т. деньги все, как ссудки;
расширил их и уходят, уходят они, как не стараются их удержать!
Но на паспорт, то же право труда, то продление виз на безде-
ство! - Право скоро за границей водителем надо будет платиться! -
Утомительное творчество все мн.; и т.п. политическо-гуман-
итарных вмешательств! -

Тут я в чудесном окружении: Колмайка у меня в фак кафе. Ру-
ская Даша, кот. позарис русским беженцем Король Александр! -
— Даша чудесный. Просто красавец. - А нем и разные управляющие
беженцами организации, и 2 школы (женск и мужск - интерна-
ционы) и студии: музыкальная, художественная (рисование и скульп-
ра), лекции научные, общеобразовательные, фортепиано, и соловьи. И
Меллер; чудесный! Правда, мое жилище - это "курсовая" (от слов
курсистка) комната: узенькая, только с кроваткой, деревянный
кухонный стол, кот. исполняет обязанности письменного и
студ. Милые мои соседи (Орешковы) критически мне еще свои пельмени
студе и чайке-варке; да один студентский зал и кафе, только кухонный!
Но Солнца, Солнечная масса! Света! А шавство - отношение ко мне со
стороны всей семьи Орешковых! - Борис Михайлович, (секретарь Дер Жив
кот. комиссии, от кот. зависит распределение пособий правительств)
необыкновенно чужок ко мне и добр. Теперь вся семья это не
позволяет мне тратить ни одной моей монетки на еду и на покупки
у них. - Вот это мне не легко. И не стар как из этого выйти.
Корр я заболела - врач сказал, что мне надо питаться лучше и все
эта милая семья решила в мое отсутствие, меня упрямившись
по моему возвращению объявила мне об этом - и что я должна это
му поднести без всяких (т.е. материальн. средств) расходов. Но мне
это не просто. И не только, п.т. я волею-неволею должна питаться
и медикою пиццей, кот. чуть ли не 5 лет не употребляю. А потому
еще, - что они и сами не легко живут. А теперь им будет и совсем
не хорошо. Это большая скорбь, но русская эмиграция так не дружна,
что доходят до больших отобитий. Борис Михайлович Орешков
должен покинуть квартиру здесь (кот. он вместе с эмигранткой
имел в свое студент) и без вознаграждения в нее уйти на чужез-
менно таким образом и жалованье, и пособие.

А лично кроме прекрасного ничего не видела от них. И

9
Все, кто приходит к тебе, полагает только в твои руки и твою сердечность
и возмощену, а часто и не возмощену помощь и совет. И все это все
в мягкой, дружелюбной форме, поощряющей сознание достоинства в
человеке нуждающемся в них. А такие люди разве способны на что либо
скрытое, темное, только себя помышляющее! Мелкий Б. М. включил в Куль-
турный Отбор, тем самым мелкий как величину духа русской Культурной
показательно-нуждену! — И это было сделано без шума, без все-
ней крикливой драматизации! Господи! Как я ему благодарен за это!
Почему же мне все время перебивать это слово и любовь, как орудия
их забвения. Звезда Александровки, ее звали, просто сама доброта и
душевная деликатность, сердце, как мотает своим настоящим другом!
И Светик (Светлана) дочь 14 л. — хорошая, честная девочка! — Так я хочу дух
моя разогнать! И любить себя так как, что тут замешательство чувства прево-
м и за себя: они уйдут из дома и я должна буду уйти 1го мая. — А ку-
да? Словом, ну, куда. Все м.б., чтобы я могла. И все же действительно так
как мелкий знает, едет в другие страны! И так же хочу м.б. —
те-б-то возвращаюсь в Ригу, хотя мне "прислали" самое оста-
нись ли я еще так раз здесь, если устраивается продно, или вернется
на сезон в свой "отчий дом".² Друзья мои, Общественно-мне дорожи
и я хочу к тебе! Добре среди этих прекрасных впечатлений! — Но театра
и всех в тебе я боюсь! Опять то же самое! А шавка-сознание
своей палкой उपयोगности там и поэтому нечувствительности!
И в пьесы дирекции ко мне я не почувствовала даже. Сам вопрос
о моем возвращении таким образом формулировался звонит звонко.
И в смущении. А тут слухи, слухи — о Дальнем Востоке! Кричал
стада предательство известного военного деятеля в Японии, русская ата-
мана Шишкова, записывает знаменитые слова из Дальнего Востока и военных
и частных лиц. Ведь в сущности это, хотя и не в словах это выражено, но
смысл таков — м.б. — война Японии с нашей Родиной и тогда в Сибири
и коренные жители и предполагаемые предатели, из эмиграции
заклимают в утешение доброты по их специальности — и, зна-
чит, — и работатом и живут под протекторатом (?), под властью (?).
Японии? —
Это же это — отделенная, самостоятельная Сибирь? Тогда, Эдаиди, при-
знающие полагать отдам ее в иные руки, не русские? Но русскими ру-
ками? Нет ли здесь элемента предательства? Или лучше все таки хот³
и в отделившейся, хотя находящейся под иной властью, но все же дух сердца
всегда Родной земле Русской — жить, трудиться и служить духом русским
ми же силами, чем иными?! Или это вера в настоящих русских там, в
сердцевине Родины, вера в то, что это дает огонь подвига освобождения
от гонимых оков дилеммы декретов и т.д. и т. подобное? — Сердце рвется

как цветок на своем паву. Машинами здесь уже создан: "Мы знаем,
как бы и не так, какие бы восторги не клемес ко мне, ни где и ни когда и не
забыто и не могу забыть родной земли. Сама чувствуюсь точнее — мы здесь
без корней? — Душ желательных евангелия туда даю от анкеты: вот огни. А на вет-
кии сугуба была ее дух себа, но не запонил, много Вам. и кудервимию поттикну
мелк на Папу. До страсти! Или это факто всегда уверенность, что все все
русским я нужна? Ходу написаны в О-ва Никта мира в Карбине, на имя
Млад. Кокоф, брата нашего родного К.К. — Ах, Дорога, не могу и сидеть на одном
месте. М.Б. н.р. всегн бывает лучше, когда я появляюсь на короткое время, все
мытнуб все вокруг — и уезду, еще желанна, еще не сделавшаяся привычкой! —
Иначе — выплывает отовсюду то, то страшнее всего. Ах, не могу набылаив ко
милки, особенно Вам, эти чувства, кот. порождатоме неправомерно поттимае
Знабы, соревнователю. И вот — не знаю куда своего Волову с Максимом итими от
общих, — направил! Или вернее куда трепет своего Сердце приоткрыть! —
Здесь точнее просит остаться и Взять в свои руки управление театром, об-
сидитив где, в мертвой хватке вращающиеся, труппы. — Но не отстраив от
этих трупп обоим руководителям их, кот. и создали и культивируют эту брата-
ду, — сделать лучше нельзя; они так злы друг на друга, так некаждот
одни друго, то самая мысль о взаимном сотрудничестве невозможна.
Кл. Актеры же ил — и всегнатоме между собой и скорее дружелюб, а не враже-
дебны. Отстраивать же ил; Это 1) мнимые их заработка, еднотвен-
ство материальнаго средства их жизни (и критика мнимых на
т.к. специяки только 1 в неделю, т.к. зрителю мало). 2) породить
еще бо́льшую силу зла от них делу и себе, зла до потрещатого пре-
дательства, вплоть до политический гонимов. И вот предика мое
ни и за дело и за себя. И оттого еще восторженней, еще пламенней ходят
св алать куда то все дальше и дальше, где бредит б.м. рассвет дубковкой
жизни. — Здесь, в Белграде, — милан и какал то по особотному добрал
Вера Александровна Дукиткева, с кот. встречаюсь, как с сестрой, на
привыкательный мек порив, сказала мне на-дтих: "позоведите Нейтено,
подем на Тималаи!" Это слово, это как Солнце, как Свети мекя веру-
щий. Но как я могу, я? Туда!

Я знаю наши все, русские друзья О-ва считаемся "дел Юдич", как ил
написали. Счастливые! А моего "Моргана" там нет. "Морган" — это
лаковое название, с детства —, любимое.

Я употребляю вообще неумными и многословными письмами. Но все, все
хочется сказать Вам. — и только правдивое. Неужо действительности каю
поиснить слова Гретинд: "Мы охраняем всегн, но всемо думать,
что кажде чикатке происходит по Нашему приказу." — и ста-

радось не запустеть простратемба ни уткнениа, ни мочии,
 такиим неградуициим следствиим много вие созданныи при-
 чин. Но когд поет Сергее млик Паростя и какому-то пра-
 бивающемуся Сиркитю — и те мою подгати! — Кавемат
 корю, то Сергее просто-физически не введеркатиэ этот
 лбоуеице, самивающей волети и Паростя, и Носторга и
 беспредельнаю Свеея правду, и милосердиэ! И Красотиэ
 Красотиэ! — И поет, поет во мте: вот, вот, еще кеицею
 и все моди уткнатиэ друг в друге рознели — Сееиер, бра-
 вев! А то, что такое состоатице мое ставии мте
 в разреду мтеи с суранностии, как говорят, даеи
 мте еще и еще больше силе дит нести моего Сергее!

Благодарю, благодарю вас нескланно-кефетиэ
 мой шубокий преданной привети нашему стар-
 шему другу и водюю Н. К. —

Помолмиеея обо мте: я все еще фатальски
 болетиэ: Сергееи с вами Мейранскану

20/III 1936. Југославија. Београд. Красотице Наталије ЗВ.
 Рука Дои. Марија Ведраниќа / Марис Андројева

Југославија. Београд.
Пашино брво. Краља тогуну I.
(старе опремиров).

2/II 1936. 11

Кривични
Београдски.

Преплашена. Досора. Чујна. Стопана наша
Белеа Кривокови. Бето гротера-лаковуто прсто-
носту мило Ваид, др Ваиди тудути дну. Кара
стирашето ја отетунашуват! Кара Инуко ја пре-
готуват! И вете сино менепешкети Иштун поште Јаки-
ми тесрастивени. Но кара рорько мтер, што иштето
Ваид, туштето еше и Исто иштетание! Но Тука Воздуца
др ваиде. Полиова Великиа Велик на готове. А вопрото
— а Колеу?! Ваид! Ваид! А др гушавр, др Сердуи Збудр
Ваиди Ине слово Ко мтер возе кадант: „Атеш пасе, та
предупрежност опаетостин, мте биваами рудето одрате-
ше. Великае голперие др Тука Воздуца Иштетанд во душе
нашеј.“ — Да, — бугенте такр! Да. Да.

Мте вепоштетаеша ожену суграи. — Великиа Контер.
18^{на} возр. А др првваи раше др Иштети застролурито.
Сваемональ. Превоштенеа браниа и ваешена и памити-
тешкае. Иштето др клирштето оженуерехон морехон селети.
Друж мте — Комадиур позвожон лодки, поштатенон се
двуш Друштети гуд оселотр свобаднао путин мтеду
Иштетроватенвени др море Иштетитенени. А др Се-
ваемональ осешалае еше молада Иштето и прешештеви
6^{та} мтеити селет, Севорка. У мте оти биваами пошт
Катедви генс. Севорка срушалае мошуд „поштотенкаеи“;
такр високо оти откосиеша др „штоталед“ у касеа та мон
спекшаакени, што, кога поштанд видетиа рте сконштетиа Кифе-
ра, — то прешештето шибавити: „мешети, таид та Ведушеско.“
Мте вете мтедиши Исто славнао ребетиа. И вдрету поштудет
се шибетити: одте др гушешетиа позвожон лодон поштета.
Найткуналае на мтеу. Взорвалае. Оди! Но кажити се шаво.
Матеа ребетиа била советниа удитиа: чагалии селетиа, те тово-

15/XI 1945.

12

О, мои Прекрасные, Друзья, Друзья мои далекие от меня, дорогие
наши Елена Ивановна, Николай Константинович! Ау! Ау!... Ау!

— Заметьте мне не было у меня — я не знаю как могла бы я думать...
Трудно. Тяжело. Сложно. Тоско. И я — опять в выжимном плаще...
абсолютно ади.

Заметьте мне не было этого своего оромки в сознании моем, что бы
оба мог бы быть, когда наступит момент отключившейся та емоция моя
и стремления у нас души — не было бы у меня еще еще и еще (выдум)
вместе с ней среди этого тьмы, так наполивающей весь мир, так охватывающей
все человечество. Бесчеловеческое Сердце — где оно?! Забыли же
это Сидман-Сидмановича кто-то из нас! Владыка Великий — несправедлив
твой милостив к нам и забыть о нас, — но дни проснувшись духу нашему
чтобы видеть хотя бы и в этом ужасе разрушений и бедствий надежда,
и кощунство — все же проблема Свиста! Веруто, Тосноди, и неповоляю, что
из всех способов увидеть эквилибрумное содержание в себе момент создания
этого керооватие — но в керооватие гадке и разрушаемого же напункто это
знаем это маленькое творчество солдаты в лагере разрушаемого же напункто это
трусство так как свидетели и благодарности. Но люди гадке уже спускали
все прекрасные моменты. Некависты, злоба и место Сидмановича или
это творческое трусство! Как болели Серге, как ждали с преданием,
предания об ужасе всей материальной жизни — и — фидера не могу —
Неловко. — Я в лагере. Введен на Душу уже 1/III ¹⁹⁴⁵ ~~1944~~. До 18/III 1945.
была вместе с другими эвакуированными в Мариенбад (Рудзиты). 18/III
еще видели нас все всехатся немецкико /как было некоего разв. фид. этого/.
Американцы ввели нас в деревню, в то время от Вроцлавца. Через
1 1/2 недели приехали, погрузили нас и наши немощные вещи на фу-
зюльки и экспедицией отбесили нас в Вроцлавца в Соблаверь та каюту про-
ложу. Это пограничное, ком. с билетом, направлено меня по железнодорожному
американского каменного Соблаверь — ступ в лагерьский лагерь и с
1-го августа в ступ с фиде... среди людей, ком. преданием моего фидуку,
мой карман и, я трусство, — и меня, как неопытного насилья бы, мою
Догков! А орке бонты, в пламени думбардировок — я номерила все.
Все мои вещи, все фото, все книги, все камушки темпайские комото-
ма и адеты, адеты дед Сидман. Все портреты, все от Зейда обо
мне та кто моего фидмановского — из всех сирот, где я только всемоу на
все сироте. — Я теперь — никто. Только ади, старомодный
могут скрывать то все же с душа кем-то. — Но нет уроста
в душе моей там на мир ад этого. Знаю — так надо. Не
такой такой знаю, то кудыко и то гед меня уже. Да бугди
в Мариенбад это Сидмановича вела вела во мне. А то, покуда
в Вроцлавце, моя бы Sarodquibcy или музе Сидмановича явилась бы мне
Серге. И так — я же же вела кероовато, когда меня в ади
стопом Сидман с преданием моими коллегам... В маре же,
куда пошел Серге и спату орке протесия Сидмановича же мое
сиротство и фидмановского покуда, горючая та гле, то с, гле
томо мо давало, то-то прекрасное даме людям. И вот

Немкий язык у нас — не возмущаясь... меня... Очевидно
Этом году я и буду мениге.

40^й год. — Я с тех пор была вступила в ~~состав~~ и то это носило
ваго по поводу из Москвы, но все мои беседы с Лизой Громова не
выступали, представляли отсюда. ~~Без сомнения~~ ~~всего~~ ~~дел~~ ~~важно~~ ~~и~~
нотом восторга и та моя восторг была — это мои функции, то бы
я помню отсюда, я была представителем — это та нотоменные зна-
сование и та утомленные насобственные губительные — это уже дело
для риторический перемены. Не го, убитый во Духа самое чувство
препутывание. Вес 41 и 42 году я все работала... так же как
черканы, ком. конечно, немалые мои счастие пропарандит,
ми велами могу обидеться — я же помню и по духу все же по нотом
те мола. В 42^й году (Сентябрь!) год мне вступил в 1^ю русскую
концертную дирекцию Симфонического и всепутывание это же дело
я получила предложение иметь свои личные ведра отсюда. И все
43^й и 44^й и вступила с доброй ой фактически год себе — с протек-
гениции наших классиков / композиторов, конечно. — У меня программа:
Пучки — это же его счастие во главе с Прокофьев — и некоторыми
и его симфонический с миз. Спердита, Лидия, Рахманинов —
и так и "Венский Оркестр" — там же в отпуске в год в Венский — и се
отсюда в Москву. — Это и все и в Оркестр — это отсюда к Тамбове
и Венский. Это же дело это же неостепенный. Но человек еще не
и так же все. — Сказ о фобке и фобке, мизостер перепутать. —
Турция. — Дворцовое дело (и так — последнее свидание Лидии
с Лавренко и Имел) — Христос. — Как фобке, как свету была
пост.

Математика. Фобка и миз. fo Хавайе Давидов. 1) Хавайе в спале
не фобке — мама — 2) Хавайе в спале в Детской / мизостер
книга) 3) Хавайе по счастием востепенный Детской 4) Хавайе фобке
и мизостер (русский).
Действие и от перестро: Николаев. Ирисовый
математика мизостер.

Лоды вступил в число утомленной от матери —
Тондаров. — Фобке. Общественное. Счастие Лавренко и
математика)

Торгов. Перемена с фобке. Мизостер от к
гр. А. Н. Математика. Обидеть от Анварие гр.
нотом в мизостер кр. Мизостер это счастием
и так же от мизостер мизостер к келю до. Не так как
и не фобке мизостер фобке мизостер мизостер!! Мизостер
от мизостер мизостер мизостер мизостер мизостер мизостер
мизостер.

А ведь мы как бы подбываемся; тесно прижались друг к другу, в сиянии благодати
друг друга и абы что живем собою. Но гдеть нашла на ит след. Не скажь ты
на изощрен, бурерат и ступенька Варанов. Этот француз и не в соим одним
себе поволивает: зорские нас — и ват. Помом, Владико, в моем теплотине
кни что гелать с собой, куп направишь свои илманидеский путь.

А язр, что могу сыраиб Варн; это все нашо дрезды, то иекитореским иекс
и еще 2^x —, все осивалие на меймах, ровниме но все, гдеть на мурекиде.
субо! Помом ик, Кел. Владико! Это с шумом теперь? где они? — Не знаю.
Но знаю, что гдеть наш Владикосид Фаростис — это Фаростис обидеис с
Варим! М.В. кто иебо из них итче и около Вар. — Стасимилеи! —
— А у меня живши бид тезда, бид генсивенной ой келсиенкенои —
Ишь это иеки; но не иеки это. Дларословити мейн.

— В среду 21/11 — (сейте иеветиме мейн) презларатом мое вврету мейн,
— с оворком о вониманосиме гелмокеирики. Все фавно кел батов, ие
гдеть наш наик беворотного и келсиредимого вкарелити геловет,
Когр ок оишдаеис. Владико, Дларословити вех кел.

Как я язр, что могу келмисити этот келсиред
осивалие кел слов маме подеркам —: так ие кр.
хотиме бурводки — Мука.

Отвешаю, кривимиситос к Варн обаме
келсире и гоберду, как гудир. Не габн
Вариме мейн. — И кел М.В. Чмоиб Кел. Кел.
Гвекк вилкелсире от мейн! „Дгерсиреи то
гдеть наш агетану Итово в моих рижат.

Я нотиме о келн расеиб, иебо хорю. „Это гдеть
„и гдеть мейн келсире к габелсиреи и гдеть гобетиво крелсире?“

Келсиреи это келсире презедателсиреи. М.В. М.В. — М.В. М.В. М.В. М.В.
Крелсире: Дон гдеть иебо к Варн ил габелсиреи — оивеи — но адрел,
келсире гдеть. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В. М.В.

Странная вещь. Мыкаредейло — как это ухерено. И публикита с токо сими
 салис евои саптеванитом кучок хлеба. — Ухерено, ухерено. — Да, го. А я рудеиса
 прикинуаю и гадьбуе пофарку, го весты, а так иди на все 4 стороны, или м. б.
 гветути во Францию с погаркой или погарцеице, или муэр, откуде Пибелли, или
 просито бросит сапес — на павотескии кедратных ел дителел. — Все три пути —
 наша гудидеская ибелл — кедритие. А так много гветивуеице в себе препраеице
 сит! и так гдетеся дителел! Дотамил го Стейнор Трррреро. — Ах, все мы менеро жор-
 ко кедратные, дабугубишеся гетин с дителел, гетин дителелли гетин дителелли.
 кид" — айомисейи гетин дителел и др. кетотогенелли. Когда же, когда все так,
 кеи, погнут аки все на поилу и билан вено гетин дителел! — Товордм, — дителел екафат,
 то во билан катгенелли дителел дителел поити тора, кота атора ибелелити в себе
 „вкитирелли гетин дителел“. — Заломиле сити. А пок — гетин, кепригитие дителел дителел
 — и интерманселли гетин (все иносейи гетин сити гетин гетин на евои дителел) — отко-
 келел — кедритие вепитикатомил сити поити Аркелелел и ево гетин о „дителел“
 сити дителел Сакат Нейпердур.

Please write to
 Mrs. Yemima Yemizovskaya
 UNKRA, TEAM 304
 G-5, THIRD ARMY
 APO 354, U.S. ARMY.

Вы получите про те роза
 Граеице Инзри Нейпердур.
 Вы получите. Кудто тора
 Как же розаи теи, что вы —
 „русский“

Делел гетин гетин мот дителел дителел и дителел в кетитие
 отгакт гетин гетин и гетин гетин все гетин гетин гетин гетин
 гетин, гетин гетин и гетин гетин гетин — и гетин гетин. Ну гетин
 гетин гетин и дителел. Все гетин гетин, не так — м. б.
 О, как я буду гетин гетин от вас! Гетин, гетин — от кетитие
 гетин! — Сухара гетин, — с гетин гетин. Кел. /14/11/1940 —) Я гетин
 гетин. Селокот от гетин — гетин гетин гетин гетин гетин гетин
 Я гетин в кетин — гетин гетин гетин гетин гетин гетин. Гетин гетин гетин
 гетин гетин — и гетин (гетин) гетин. Дителел гетин гетин гетин гетин гетин гетин.
 гетин и гетин, и гетин гетин и гетин гетин — и гетин гетин гетин. Гетин гетин гетин
 гетин гетин гетин, ели гетин гетин в гетин с гетин гетин — гетин гетин гетин — и гетин
 гетин гетин гетин гетин гетин. (А гетин гетин гетин гетин гетин гетин. Да гетин гетин
 гетин гетин гетин — гетин гетин гетин. А гетин гетин, гетин гетин в гетин гетин, гетин
 гетин гетин гетин гетин гетин, гетин гетин гетин — и гетин гетин гетин гетин гетин гетин
 гетин гетин, и гетин гетин гетин гетин гетин гетин, — и гетин гетин гетин гетин